

• ДОКУДРАМЫ •

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1941-1945

АРТЁМ ДРАБКИН
АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА
2025

УДК УДК 94(47+57)"1941/45"

ББК 63.3(2)622

Д72

В оформлении использованы фотоматериалы
ФГУП МИА «Россия сегодня» и Shutterstock/FOTODOM.

В том числе фотографии © Владимир Гребнев / РИА Новости
(передняя сторона обложки),

© Александр Становов / РИА Новости (задняя сторона обложки).

Драбкин, Артём Владимирович.

Д72 Великая война. 1941–1945. Победа / А. Драбкин,
А. Исаев — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 336 с. —
(Докудрамы).

ISBN 978-5-17-136036-8

Книга последовательно описывает ключевые события Великой Отечественной войны, начиная с плана «Барбаросса» и заканчивая битвой за Берлин. Авторы анализируют тактические ошибки и стратегические просчеты обеих сторон, что позволяет более глубоко понять ход военных действий и их итог. Особый стиль повествования позволит не только познакомиться с масштабными военными операциями и стратегическими решениями, но и проникнуться личными драмами и историями участников этих событий.

УДК 94(47+57)"1941/45"

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-17-136036-8

© 000 «Стар Медиа Дистрибьюшн», 2025

© ИП Драбкин А.В., 2025

© 000 «Издательство АСТ», 2023

БАРБАРОССА

STAR MEDIA РЕКОМЕНДУЕТ

Мобильное приложение
«ТРЕНАЖЕР ПО ИСТОРИИ»

6+

15 апреля 1941 года из-за неисправности мотора немецкий самолет-разведчик Ju-86 снизился и был сбит. Летавшие на десятикилометровой высоте обычно оставались незамеченными и безнаказанными, но не в этот раз. На фюзеляже упавшей машины стоял код гражданской авиации, но в пилотах, захваченных в плен, чувствовалась военная косточка. От самолета несло горелой пластмассой. Немцы успели сжечь фотопленку.

На допросах пилоты «Юнкерса» утверждали, что во время полета в районе Кракова заблудились и потеряли ориентировку. Это звучало крайне неубедительно из уст летчиков, сбитых под Ровно, в паре сотен километров от границы. К тому же в самолете нашли карту приграничных областей СССР.

Экипаж «Юнкерса» входил в секретную команду основателя программы стратегической воздушной разведки люфтваффе Теодора Ровеля, которая уже давно фотографировала советскую территорию, готовя данные для вторжения вермахта в СССР.

Через десять дней после описанного события в Москву из Берлина пришло донесение военного атташе СССР в Германии генерал-майора Василия Тупикова, который делал в отчете следующие выводы:

1) в германских планах СССР фигурирует как очередной противник;

2) сроки начала столкновения — возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года.

Точную дату германского нападения весной 1941 года ни Тупиков, ни другие разведчики назвать не могли. Немецкий дипломат и советский разведчик нелегальной резидентуры Рихард Зорге, он же Рамзай, сначала сообщал о начале военных действий после окончания сева, потом в конце мая, затем во второй половине июня. Неопределенность чувствовалась и в донесениях остальных. Было не ясно, состоится ли вообще нападение Германии на Советский Союз в 1941 году. Информация от агентуры поступала самая противоречивая, а серьезным недостатком в деятельности советской разведки перед войной была слабая аналитическая работа. Порой действительно важные сведения терялись в массе второстепенной информации.

В апреле сорок первого эшелоны с немецкими войсками непрерывным потоком шли на восток. Всего лишь несколько месяцев назад, летом сорокового, Гитлер поставил задачу разработать план войны с СССР. А уже восемнадцатого декабря он подписывал Директиву № 21, более известную как план «Барбаросса». Цель войны, сформулированная Гитлером на совещании, звучала так:

“ **«Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну».**

План «Барбаросса», в частности, гласил:

“ **«Основные силы русских Сухопутных войск должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев».**

Основой для таких «клиньев» стали танковые группы — крупные объединения танковых и моторизованных дивизий. Перед ними ставилась задача глубоких охватов и обходов войск противников с целью окружения. Для войны против СССР

создавали четыре такие группы во главе с генералами Клейстом, Гудерианом, Готом и Гёпнером.

Конечная цель немецкой операции — захват территории СССР по линии Архангельск — Астрахань. На итоговом совещании гитлеровские стратеги выразили уверенность, что война с СССР займет три-четыре месяца. Цель войны фашистской Германии против Советского Союза заключалась в захвате жизненного пространства на востоке — *Lebensraum* — и установлении контроля над огромными природными ресурсами СССР, прежде всего зерном Украины, углем Донбасса и нефтью Баку. Это позволяло в дальнейшем вести войну с Британией и США, не боясь морской блокады, которая душила кайзеровскую Германию в Первую мировую. При этом население захваченных территорий нацисты не собирались интегрировать: по «плану голода» (плану Бакке), принятому в 1941 году, миллионы советских граждан подлежали умышленному умерщвлению через голод, так как продовольствие должно было конфисковываться и направляться на снабжение оккупационных войск в Германию. Таким образом, война на востоке с самого начала носила характер геноцидной кампании и была направлена не только на территориальный захват, но и на уничтожение значительной части населения СССР.

Для выполнения поставленной задачи немецкие войска были разделены на три группы армий: «Север» должна была наступать на Ленинград, «Центр» — на Москву, «Юг» — на Киев и Донбасс.

В составе «Юга» и «Севера» находилось по одной танковой группе, в «Центре» на главном, московском направлении сразу две — Гудериана и Гота.

Герман Гот (1885–1971) — генерал-полковник. В 1941-м управлял 3-й танковой группой. Ему было уже 56 лет, и солдаты называли командира Папа Гот.

Несмотря на сложные политические процессы, которые проходили в Германии в 1920-е и 1930-е годы, армия, ее офицерский состав избежали раскола и, более того, жаждали реванша за политическое поражение страны в Первую мировую войну. В вермахте служило немало командиров с многолетним опытом руководства войсками. Танковые генералы не были исключением: Гудериану — 53 года, Гёпнеру — 55, а Клейсту — 60.

Штабы танковых групп прибыли на границу еще зимой 1940 года — пока группы офицеров со средствами связи. Подход танков планировался прямо перед наступлением. А в первых эшелонах на восток перебрасывались лишь пехотные дивизии.

Размещая пехоту без танков, немцы стремились сформировать у советского командования впечатление, что они перед высадкой войск в Англии здесь, на востоке, просто создают заслон.

В 1941 году немецкая армия, несомненно, находилась на пике могущества. Дивизии были укомплектованы по штатам военного времени. После захвата Франции войска интенсивно тренировались, совершенствуя тактику «блицкрига» — «молниеносной войны».

В то же время значительная часть Красной армии располагалась в глубине страны и содержалась по сокращенным штатам мирного времени. На границе находилось только прикрытие, не способное отразить удар главных сил врага. Требовалось две-три недели интенсивных перевозок войск, чтобы создать эффективную оборонительную группировку. Несмотря на подписание в 1939 году пакта Молотова — Риббентропа, советское руководство не питало иллюзий в отношении неизбежности войны с Германией. В СССР шло интенсивное военное строительство.

Красная армия с полутора миллионов человек выросла до пяти миллионов. Но лето 1941-го вооруженные силы встречали в разгар реорганизации: строились укрепления, ремонтировались аэродромы, формировались новые части.

Перед советским руководством стоял вопрос: когда нажать «красную кнопку» и начать выдвигание — открытая моби-

лизация приравнивалась бы к объявлению войны, поскольку по международной практике того времени масштабная мобилизация рассматривалась как прямой акт военной агрессии. Любое официальное решение о мобилизации могло бы дать Германии повод заявить, что СССР первым нарушил договоренности и развязал войну. Поэтому советское руководство до самого начала нападения избегало открытых шагов, ограничиваясь скрытными мерами по приведению войск в боевую готовность.

В первой половине июня немцы стали выдвигать к границе танковые и моторизованные дивизии, что уже никак не походило на «заслон перед высадкой в Англии».

Тогда советское руководство сделало довольно смелый шаг. За восемь дней до начала войны, 14 июня 1941 года, во всех советских газетах появилось сообщение ТАСС:

«В английской и вообще иностранной прессе стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Так намеками немцев приглашали сесть за стол переговоров, но ответом стало гробовое молчание. И реакция Сталина последовала незамедлительно. Войска, находившиеся в глубине страны, получили приказ выдвигаться на запад. «Красную кнопку» нажали.

Через три дня после сообщения ТАСС Зорге докладывал — «война задерживается до конца июня». Появилась надежда — успеем! Но было слишком поздно: до нападения оставалось меньше недели.

В итоге к двадцать второму июня Красная армия оказалась разорванной на три эшелона, разбросанных от западной границы до Днепра. Большая часть войск находилась в глубине страны или только двигалась на запад. А немецкие войска уже стояли у советских границ.

К началу войны в Прибалтике двадцати одной советской дивизии в первом эшелоне противостояли тридцать четыре дивизии немцев. В Белоруссии — против двадцати шести дивизий Красной армии стояло тридцать шесть немецких дивизий. На Украине против сорока пяти советских дивизий были сосредоточены пятьдесят семь дивизий вермахта. Красная армия превосходила противника по числу танков и самолетов, но серьезно уступала по качественным характеристикам боевой техники и безнадежно проигрывала по числу дивизий, одновременно вступавших в бой.

21 июня немецкое командование, передав условный сигнал «Дортмунд», подтвердило начало операции «Барбаросса» утром 22 июня. Танки, бронетранспортеры, тягачи и автомашины двинулись к границе Советского Союза. В ночь с 21 на 22 июня немецкие военачальники построили солдат. Подсвечивая фонариками, они зачитали обращение Гитлера: *«Само существование народа Германии находится теперь в ваших руках».*

В предстоящей войне солдаты вермахта руководствовались простыми формулировками, такими как приказ командующего 4-й танковой группой в составе группы армий «Север» Гёпнера:

«Борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию и должна вестись с неслышанной жестокостью».

Но не все военнослужащие жаждали принять участие в «спасении цивилизации» таким путем. Выслушав генерала, сапер Альфред Лисков бросился к границе, переплыл Буг и сдался советским пограничникам. Он сообщил, что 22 июня на рассвете немецкие войска перейдут границу. Известие незамедлительно передали Сталину.

Схожая информация поступила и от советского агента в немецком посольстве в Москве Герхарда Кегеля. Утром 21 июня тот доложил, что «война начнется в ближайшие 48 часов».

На срочном совещании в Кремле Жукову и Тимошенко удалось убедить Иосифа Виссарионовича, что на границе необходимо принимать срочные меры. Была подготовлена и подписана директива о приведении войск в боевую готовность, правда, с оговоркой о возможных провокациях немцев. В ночь на 22 июня директиву передали в части.

В штаб Западного особого военного округа, расположенный в городе Минске, приехал командующий округом Павлов. Его уже ожидали командующие армиями. Из Гродно Дмитрию Григорьевичу командующий 3-й армией Василий Кузнецов доложил: «Патроны розданы, занимаем укрепленные районы».

Кузнецов Василий Иванович (1894–1964) — Герой Советского Союза, генерал-полковник, участник Первой мировой войны. В Гражданскую был командиром полка. Великую Отечественную войну начал в возрасте 47 лет, пройдя ее от первого до последнего дня.

Наступало утро 22 июня. Первыми границу СССР пересекли диверсионные группы так называемого учебного полка 800 Бранденбург — секретного подразделения вермахта. Немецкие диверсанты, переодетые в форму Красной армии, начали захват мостов через Буг.

В это же время немецкие самолеты летели бомбить крупные советские города и, главное, военные аэродромы, расположение которых стало известно благодаря разведчикам Ровеля.

Внизу, на земле, боевые действия еще не начались. Враг понимал, что если бомбардировщики пересекут границу одновременно с началом операции наземных войск, то советская авиация успеет прийти в боевую готовность.

Многие немецкие офицеры и солдаты опасались ожесточенного сопротивления противника, и не зря. Так, командир 129-го истребительного авиаполка капитан Беркаль, услышав на границе канонаду, объявил боевую тревогу. И в 4 часа 05 минут три эскадрильи поднялись в воздух, первыми оказав отпор Германии и уничтожив в бою три самолета.

Аэродром Млынув на Украине стал настоящим кладбищем немецких бомбардировщиков. Здесь 51-я эскадра «Эдельвейс» потеряла сбитыми семь «Юнкерсов».

Вопреки немецким планам, советскую авиацию не разгромили в первые минуты войны. Большинство аэродромов отбили первый удар. Но следовавшие постоянно, одна за одной, бомбардировки авиаполки уже не выдерживали. Техники не успевали готовить машины к вылетам, не хватало заправщиков и боеприпасов. После четырех-пяти налетов многие авиачасти оказались практически уничтоженными.

На многих запасных аэродромах велись ремонтные работы. Взлетные полосы перекопаны и заставлены техникой. Поэтому сменить разбомбленный немцами аэродром на запасной советские пилоты не могли.

Командующий авиацией Западного фронта в Белоруссии генерал-майор Копец на истребителе облетел аэродромы своих частей. Страх ответственности за разгром его авиации заставил его принять решение застрелиться.

22 июня 1941 года только в Белоруссии ВВС РККА потеряли 700 самолетов, что составляло почти половину авиации Западного особого военного округа. На Украине советская авиация утратила около 300 — почти одну шестую состава КОВО. В Прибалтике — около сотни, то есть одну десятую часть.

Первый удар немцев оказался сильным, но не смертельным. Военно-воздушные силы Красной армии продолжали воевать, существенно влияя на дальнейший ход боевых действий.

В 4 часа 15 минут вперед двинулись немецкие сухопутные части. Так, в Прибалтике танки Гота за несколько часов прошли от 50 до 70 км и захватили мосты у Алитуса и Меркене. Воодушевленный командующий писал: «...явилось большой неужи-

данностью то, что все три моста через Неман... были захвачены неповрежденными». Но честолюбивого генерала вперед манила еще более заманчивая цель.

“ **Из воспоминаний Германа Гота:**
«На самом деле... все стремились поскорее оказаться на пути к Москве».

А пока его танковая группа прорывалась через Вильнюс на Минск, что в итоге привело к охвату через Прибалтику войск Западного военного округа.

На границе между СССР и Германией располагалась точка, развитие событий в которой происходило по непредвиденному для врага варианту — наихудшему из возможных.

Отсутствие казарменного фонда заставило командование РККА разместить на самой границе в Брестской крепости личный состав двух стрелковых дивизий. По плану прикрытия границы они должны были выйти из нее и занять оборону к северу и югу от не приспособленной к длительной обороне крепости.

Утром 22 июня рев пикировщиков, разрывы бомб и тяжелых артиллерийских снарядов возвестили о начале штурма крепости. Большинство командиров и красноармейцев были застигнуты врасплох и не успели покинуть казармы, приняв бой прямо в них. Это сорвало как советский план по прикрытию границы, так и немецкий план, который отводил на захват крепости несколько часов. Вместо этого сражение затянулось на несколько дней. Гарнизон, разбитый на отдельные группы сопротивления, сражался за каждый сантиметр земли, и порой дело доходило до штыковых атак.

Через четыре дня непрерывных боев немцы овладели основными укреплениями, и защитники переместились в Кобринское укрепление и цитадель. Уцелевшие 400 человек под командованием майора Гаврилова отбивали по семь-восемь атак в день. Тем не менее 29–30 июня враги предприняли двухдневный штурм крепости и смогли овладеть цитаделью.

У осажденных не было воды и продовольствия. Но стрельба не утихала еще долго. Лишь через месяц, 23 июля, противники взяли в плен раненого Гаврилова. Доктор Воронович, лечивший Петра Михайловича, вспоминал, что истощенный, почти в бессознательном состоянии пленник не мог даже глотать: у него не хватало сил. Но немецкие солдаты рассказали, что всего час тому назад майор в одиночку вел бой и бросал гранаты.

Гаврилов Петр Михайлович (1900–1979) — майор, Герой Советского Союза. В плену содержался в лагерях Хаммельбург и Равенсбрюк до мая 1945 года. После освобождения восстановлен в армии в прежнем звании. Семью нашел лишь в 1955-м. Звание Героя получил в 1956 году. Похоронен в Бресте.

Обойдя Брест, танковая группа Гудериана форсировала Буг и устремилась на восток.

Одним из немногих преимуществ советских приграничных армий по сравнению с немецкими стало большое количество танков в механизированных корпусах. В западных округах их насчитывалось около 10 тысяч. Подвижность танковых войск позволяла быстро выдвигать технику для парирования немецких ударов. Однако подавляющее большинство советских танков были легкими машинами Т-26 и БТ с противопульным бронированием, для которых такие контрудары оказались убийственными.

Танк Т-26 имел лобовую броню всего 15 мм, БТ-7 — 22 мм. Она легко пробивалась практически любыми немецкими орудиями. А сорокапятимиллиметровые пушки советских машин не могли поразить большинство танков врагов в лоб, за исключением выстрела в упор.

Результаты первых танковых битв шокировали. На второй день войны под Пружанами в бою сошлись советская и немец-

кая танковые дивизии. Сражение превратилось в избиение. За несколько часов немцы подбили, сожгли более ста танков Т-26. На третий день войны под Войницей Красная армия потеряла около ста пятидесяти танков Т-26. Большие потери имели место и в Прибалтике, и на Украине.

Для войны с СССР немецкое командование выделило 4078 танков и самоходных артиллерийских установок. Половину составляли устаревшие и легкие танки, новых Т-III и Т-IV было только 1404. Танковая дивизия вермахта в составе имела 200 танков и 2147 автомобилей. Советская — 375 и 1360 соответственно. Из-за нехватки транспорта и уничтожения немецкими танками тылов в советские части не успевали подвозить горючее, боеприпасы и запасные части, что приводило к огромному количеству небоевых потерь в Красной армии.

Немецкие танкисты шли в бой уже с полной уверенностью в превосходстве, как вдруг столкнулись с неожиданно сильным противником.

“**«Бой у местечка Радзехов. Унтер-офицер 11-й танковой дивизии Густав Шродек вспоминал:
«Мы посылаем им первый снаряд... Первое попадание в башню. Второй выстрел, и новое попадание. Головной танк, в который я попал, невозмутимо продолжает движение... Но где же превосходство наших танков?! Нам всегда говорили, что достаточно лишь “плюнуть” из наших пушек!»**

Танкисты вермахта докладывали, что во время одного из боев в Прибалтике снаряды просто отскакивали от новой советской техники.